

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

DOI 10.31029/vestdnc78/4

УДК 94(470):94(470.67) «15/17»

ВОЕННЫЕ АКЦИИ РОССИИ ДЛЯ УСИЛЕНИЯ СВОЕГО ВЛИЯНИЯ И ПРИНЯТИЯ В ПОДДАНСТВО ДАГЕСТАНА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ТУРЦИИ И ПЕРСИИ (КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XVIII в.)

Б. Г. Алиев, ORCID: 0000-0001-8009-9087

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН

Статья посвящена военным акциям, которые Россия осуществляла для усиления своего влияния в Дагестане и вступления его в русское подданство. Описаны походы царских войск в Дагестане в конце XVI – начале XVII в., а также поход Петра I в Прикаспии в 1722 г. с раскрытием истинных целей этого похода. Все это дано в контексте противостояния России и военных держав Средневековья – Турции и Персии.

The article is devoted to the military actions that Russia used for strengthening her influence in Daghestan and promoting acceptance Daghestan into her citizenship. The campaigns of the Russian troops in Daghestan in the late XVI – early XVII centuries, and the same of the Peter I's one in the Caspian region in 1722 with disclosure of the true goals are described. All the above is given in the context of confrontation between Russia and such powers of the Middle Ages as Turkey and Persia.

Ключевые слова: Россия, Дагестан, Кавказ, Турция, Персия, походы русских войск, Засекин, Шаховский, Хворостинин, Бутурлин, Плещеев, Петр I, поход в Прикаспии в 1722 г.

Keywords: Russia, Daghestan, the Caucasus, Turkey, Persia, campaigns of the Russian troops, Zasekin, Shakhovsky, Khvorostinin, Buturlin, Plescheev, Peter I, campaign in the Caspian region in 1722.

Как известно, Россия свою политику по распространению влияния на Кавказе, и в частности в Дагестане, начала проводить намного позже, чем Персия и Турция, являвшиеся конкурентами и противниками в этом регионе. Последние раньше поняли стратегическое и политическое значение этого региона. Уже в 60-е гг. XV в. персидские завоеватели вторглись в Южный Дагестан, где их постигла неудача. И в последующем Персия неоднократно совершала походы своих войск в Азербайджан и Дагестан. Турция, видя такую активность Персии, также включилась, но уже в начале XVI в., в борьбу за овладение Кавказом. И с этого времени Кавказ становится ареной ожесточенной борьбы между Ираном и Турцией. В 1555 г. между ними был подписан мирный договор, но их вмешательство в дела Дагестана и после этого не прекратилось. Воспользовавшись междоусобной борьбой в Иране, Турция начала наступление на Кавказ. Был захвачен Дербент – важнейший пункт на западном побережье Каспийского моря. Это был и основной морской порт Северо-Восточного Кавказа, основной центр торговли на Кавказе и для Астрахани, торговля которой с Дербентом еще больше усилилась с присоединением в 1556 г. к России Астраханского ханства. В связи с последним обстоятельством России теперь нужен был не просто выход в Каспийское море, который она уже получила, а свободное плавание по нему, препятствием чему могло быть закрепление в Дагестане Турции, активизировавшей свою политику в регионе. Известны многократные посольства в Москву шамхала и переговоры с русскими властями. Для усиления своего влияния в 1567 г. Россия построила на р. Терек при впадении в нее р. Сунжи город-крепость, которая «служила звеном, связывающим Северный Кавказ с Россией, и способствовала сближению горских народов Кавказа с Россией» [1, с. 70].

Конечно, строительство Терки вызвало беспокойство и протест Турции и Крыма. Терский городок «был настоящим бельмом на глазу» [1, с. 79], поэтому Турция и Крым в 1569 г. для уничтожения этой крепости и подчинения Северного Кавказа [2, с. 86–87] предприняли поход на Астрахань, который не имел успеха. Это не остановило противников России. В начале 70-х гг. крымский хан дважды вторгнулся в Россию. В первый раз в 1571 г. он дошел до Москвы и сжег ее. Москва, занятая Ливонской войной, не желая осложнять отношения с Турцией, вынуждена была удовлетворить требования Крыма снести Терки и «людей своих вывести в Астрахань» [3, с. 193]. Несмотря на это, крымский хан в следующем году совершил поход и вторгся в Россию, но был разбит в битве у Пахры [4, с. 28–29, 430; 5, с. 43; 6, с. 18; 7, с. 93].

Походы Крыма не привели к отказу России от своих планов. Москва продолжала проводить политику по сближению с народами Кавказа. Турция же, воспользовавшись ослаблением Сефевидов, возобновила борьбу в Закавказье, и в 1578 г. на Кавказ вторглась ее 200-тысячная армия под командованием Мустафа-Леле-паши. На Северном Кавказе активизировался одновременно с этим крымский хан. В 1578 г. по просьбе кабардинских князей был восстановлен русский городок на Тереке [3, с. 192–197; 8, с. 11]. Турки же утвердились в Азербайджане и Дагестане, что имело место после их вторжения в 1578 г. на Кавказ. Естественно, что народы Закавказья и Дагестана вели упорную борьбу против завоевателей, и в этой борьбе Россия, конечно же, преследуя цели по усилению своего влияния, выступала в роли их защитника, проводя политику их поддержки и принимая оборонительные меры, чем препятствовала Турции в расширении сферы своего влияния в регионе. Поэтому Турция прилагала все силы, чтобы снести Терский городок и поставить на Тереке турецкие крепости. Для этого она намеревалась совершить поход на Астрахань. В условиях, когда весь Восточный Кавказ оказался занят турками, которые недалеко от Самура разбили персов, Россия в 1584 г. вынуждена была оставить Терский городок. Это создавало благоприятные условия для постройки на Тереке турецких крепостей, что привело бы к осуществлению мечты Турции подчинить своей власти весь Кавказ. Это, в свою очередь, поставило бы под угрозу южные границы Русского государства. Поэтому владельцы Северного Кавказа и Дагестана стали обращаться к России с просьбой защитить их и поставить на Тереке город, что и было сделано Россией в 1588 г., когда в устье Терека, на его притоке Тюменке была сооружена крепость Терки [3, с. 197; 9, с. 40]. Строительство крепости остановило Турцию и Крым от посылки войск через Северный Кавказ и Терек в Закавказье [7, с. 38]. Этот решительный шаг поднял престиж России, усилил ориентацию народов Северного Кавказа и Дагестана на Москву. Поэтому Турция и Крым опять (в который раз!) потребовали снести Терский городок, который не позволял проходить их войскам к театру военных действий, закрывая торгово-стратегическую магистраль, известную как «черкесская дорога».

В 1590 г. многолетняя война Ирана и Турции завершилась подписанием униженного для Сефевидов мира. По условиям мирного договора почти все Закавказье попадало под власть турецкого султана, который принял ряд мер по укреплению Гянджи, Баку, Шемахи, Дербента и других городов, где расположились турецкие гарнизоны. Турция начала создавать на Каспийском море свой флот, что затрагивало интересы России. Закрепление Турции в морских торговых городах, таких как Низабат и Дербент, куда приходили русские торговые корабли, затрудняло торговлю русских купцов с населением Дагестана и Закавказья. И кроме того, закрепившись в Северо-Восточном Кавказе, Турция намеревалась продолжить свои завоевания в направлении Дагестана и Северного Кавказа.

России нужен был повод для вмешательства в дела Дагестана, чтобы не дать возможности Турции распространить свое влияние на его народы. Как писал М.-С.К. Умаханов, «активизация политики царского правительства в конце XVI в. по отношению к Дагестану объяснялась не только стремлением царского правительства расширить границы своих владений на юго-востоке, взять

под свой контроль и каспийскую часть волжско-каспийского торгового пути, но и опасением, что занятие Дагестана Турцией создаст угрозу его юго-западным границам, в частности Астрахани, которую в 1569 г. турки и крымцы пытались отбить у России, организовав поход 80-тысячной армии под ее стены» [10, с. 125].

Повод для вмешательства в дела Дагестана нашелся. В условиях распространения влияния Турции в Дагестане вспыхнула междоусобная война между шамхалом и его наследником – крым-шамхалом, что подогревалось происками Турции. Обе враждующие стороны искали помощи у других феодальных владетелей. Так, крым-шамхал обратился за помощью к России. Кроме того, на шамхала жаловались и кабардинские князья, и грузинский царь. И главное, что не устраивало Россию, – это планы Турции подчинить приморскую часть Дагестана, в частности шамхальство, которое имело влияние на другие феодальные владения и народы Дагестана.

В такой обстановке Россия и решила направить в Дагестан свои войска под командованием воеводы Г. Засекина и князя П.М. Шаховского. Из Терского города царские войска направились к Эндирею. Как говорится в источнике, воевода Г. Засекин «со своей ратью... шевкала князя воевали и город шевкала взяли Ондиреевской» (Эндирей) [11, с. CIV, 253]. Взяв Эндирей после кровопролитного боя, царские войска сожгли его. Закрепившись на берегу Койсу, воеводы стали планировать строительство крепости здесь. Кроме того, они восстановили Сунженский острог (городок) у впадения Сунжи в Терек [12, с. 276]. Исходя из того, что в это время велись дипломатические сношения русского правительства с шахами Худабенде и Аббасом о военном союзе против султана и о присоединении к России городов Дербента, Баку и Шемахи, можно считать, – как полагала Е.Н. Кушева, – что походы в Дагестан преследовали и более общую цель укрепления русского влияния в Дагестане и Азербайджане» [13, с. 17.].

Потеряв надежду закрепиться на Северном Кавказе, Турция в июле 1591 г. организовала поход крымских войск на Москву, история кончилась их бегством под с. Коломенское. Неудачным был и поход на русские владения в 1592 г. [12, с. 278–279].

Но Россия в условиях русско-шведской войны не хотела обострения отношений с Турцией и в целях смягчения обстановки отправила к султану посольство Г.А. Нащекина и А. Иванова. Однако посольство не имело успеха, так как султан требовал от царя открыть дорогу для крымских и турецких войск через Северный Кавказ в Закавказье, снести русские крепости на Дону, Тереке и Сунже [12, с. 280]. Естественно, Россия отвергла требования Турции и ответила, что не намерена сносить крепости на Дону и Тереке. Русский посол Г.А. Нащекин говорил, что на Дону и Тереке нет новых городов, а «город Терки поставлен давно» по просьбе «кабардинских черкас», которые «из давних лет служили отцу государева нашего и ныне служат великому государю нашему по-прежнему» [3, с. 195].

Поход русских войск 1591 г. не принес России желаемых результатов. Шамхал не сблизился с Россией. Более того, Г. Засекину не удалось подавить сопротивление шамхала, который продолжал вести независимую от Москвы политику. Поэтому кахетинский царь Александр снова стал добиваться у Москвы нового похода на шамхальство, более того, он призывал построить русскую крепость в центре шамхальства – Казикумухе, чтобы «окончательно» подчинить шамхала. При этом он обещал содействие русским войсками со стороны крым-шамхала, являвшегося его сватом и противником шамхала, борясь с ним за власть. О противоречиях шамхала и крым-шамхала сообщали в Москве послы грузинского царя, подчеркивая, что «кумыцкая земля половина с ним (крым-шамхалом. – Б.А.) стоит, а мы их под государеву руку привели и божьею милостью шевкальское дело плохо стало для того, что они промеж собою бронятца; да у них же междоусобная рать» [11, с. 255–256; 14, с. 2]. Призывал Ивана Грозного «унять шамхала» и старший кабардинский князь Янсох [10, с. 127].

Именно учитывая все это и желая утвердиться в шамхальстве, царское правительство летом 1593 г. приняло решение послать войска на шамхала, поставив во главе их князя А.И. Хворостинина. Ему было предписано прежде всего овладеть зимней резиденцией шамхала – Тарки и утвердить там правителем сторонника Москвы – крым-шамхала, открыть свободный проезд русским через шамхальство, по территории которого проходили важнейшие пути, ведущие в Закавказье и на Ближний и Средний Восток.

Русские войска заняли Койсу, на берегах Сулака и Акташа были поставлены ряд крепостей. В крепости, поставленной на Сулаке, под названием Койсу «сел с ратными людьми воевода кн. В.Д. Долгорукий». Затем были заняты Эндирей и Тарки, но здесь не удалось «град поставить», так как шамхал собрал войска и овладел Тарками [11, с. 257, 266; 15, с. 41]. Как писал А.-К. Бакиханов, «сыновья Чубан-шамхала, собрав ополчение из черкесов, кумыков и дагестанцев (горных обществ. – *Б.А.*), воспрепятствовали этому» [16, с. 110]. Объединенное войско дагестанских народов нанесло сильный удар войскам А.И. Хворостинина, они были изгнаны из пределов шамхальства, потерпев сильный урон, было убито до 3 тыс. стрельцов [11, с. СУ; 17, с. 10]. Как говорил грузинскому царю посланник России, оставшиеся стрельцы российские «на Тереку воротились» [11, с. 266, 288].

После неудачного похода А.И. Хворостинина в Дагестан Россия предприняла попытки наладить взаимоотношения с шамхалом [13, с. 18]. В Тарки был отправлен П. Неплюев и толмач с наказом, «чтоб шевкал перед тем сыном боярским великого государя шерть учинил и сына в заклад дал» [18, с. 44]. Однако шамхал, хотя и послал в Москву грамоту о желании быть в подданстве, не был принят в подданство, в чем сыграла свою роль и Турция. Но и дальше взаимоотношения с шамхальством не прекращались. Сыновья шамхала обращались с просьбой принять их под покровительство, велись переговоры. Однако Россия целых 10 лет не решалась посылать в Дагестан войска. Но в самом начале XVII в. Россия все же решила еще раз провести военную акцию в Дагестане. И для этого наступил подходящий момент – Турция и Иран в 1603 г. возобновили войну за господство на Кавказе. И в таких условиях Россия решилась еще на одну попытку утвердиться в плоскостном Дагестане, занимаемом шамхальством.

Для этой цели весной 1604 г. Борис Годунов направил в Дагестан около 10 тыс. стрельцов под командованием воевод И.М. Бутурлина и О.С. Плещеева. В этом походе, как и в предыдущих, были заинтересованы и Грузия, и Кабарда. Но, как отмечала Е.Н. Кушева, «поход русских войск в Дагестан [в 1604 г.] надо связывать не только с русско-грузинскими отношениями, но и с возобновлением шахом Аббасом войны с Турцией за Закавказье и стремлением русского правительства путем военных действий обеспечить успех переговоров об уступке Дербента, Баку и Шемахи» [13, с. 19; 19, с. 286].

Как и в походах 1591 и 1593 гг., главный удар планировалось нанести по Таркам. Русские войска, не встретив особого сопротивления в Северном Дагестане, заняли Эндирей и Теплые воды и поставили ряд крепостей на берегах Сулака и Акташа. Дальше путь вел на юг – к Тарки, который был взят после кровопролитного боя. Около него И.М. Бутурлин приступил к строительству укрепления – города-крепости, назвав его Новым городом, где должны были зимовать его войска [11, с. СХ; 20, с. 36–37; 1, с. 130]. Кроме того, русские стрельцы захватили Эрпели и «Кара-Бутаки» (Карабудахкент) [11, с. 480; 12, с. 287]. Но далее победное шествие стрельцов, когда были захвачены отмеченные выше стратегические пункты и горцы были отрезаны от зимних пастбищ, что поставило их в тяжелое экономическое положение [10, с. 130], закончилось. Воеводы допустили ошибку. Как отмечал Н.М. Карамзин, они «пленили людей в селениях, брали хлеб, отгоняли табуны и стада» [20, с. 36–37; 11, с. СХ], что не могло не вызвать недовольство местного населения. Феодалы-владельцы (шамхал, крым-шамхал, Султан-Махмуд Эндиреевский и др.) объеди-

нились для борьбы с завоевателями. Следившая за событиями в Дагестане Турция отправила на помощь шамхалу свои войска. К Таркам стали стягиваться вооруженные отряды горцев со всего Дагестана [21, с. 3]. Собралась довольно внушительная сила. Только один Султан-Махмуд собрал 13 тыс. человек [16, с. 110]. Объединенные силы дагестанцев, которых собралось более 20 тыс. человек, осадили Тарки, и русские стрельцы оказались в тяжелом положении. В условиях зимы начались болезни, не хватало продовольствия, фуража для лошадей, а Россия не могла оказать поддержки, в то время как на помощь дагестанцам прибыли крымские татары [16, с. 110] и отряд турок из Шемахи во главе с пашой [11, с. 89]. По предположению М.-С.К. Умаханова, отряды дагестанцев «имели согласованный план действий» [10, с. 132]. Сначала они выбили из крепости на Койсу (Койсинский острог) отряд князя Долгорукова, который ушел на Терек, затем выбит был царский отряд из крепости на Акташе [11, с. СХ; 17, с. 12]. Далее он отмечал: «Обезопасив себя с севера, горцы сосредоточили все силы у Тарков, где отряды Бутурлина продолжали оказывать упорное сопротивление осаждавшим их отрядам» [10, с. 132]. О такой очередности действий дагестанцев писали еще и А.-К. Бакиханов [16, с. 110] и В.Г. Гаджиев [1, с. 82]. Но почему-то последний писал, что только «после этого Султан-Мут осадил Тарки, но взять его не мог» [1, с. 82].

Видя безвыходное положение, находившийся в осажденном Тарки И.М. Бутурлин пошел на переговоры. Была достигнута договоренность об отводе войск дагестанцев от Тарков и о предоставлении возможности царским войскам свободно уйти за Койсу (Сулак). Даже была достигнута договоренность, что шамхал позаботится о тяжелобольных и раненых русских стрельцах, которых невозможно было вывезти из Тарков. И.М. Бутурлин в обеспечение добросовестного выполнения договора потребовал от шамхала в заложники сына [11, с. СХ; 17, с. 12–13; 12, с. 288; 1, с. 82; 19, с. 287]. Однако эти соглашения не были выполнены. Отряды стрельцов после выхода из Тарков были атакованы дагестанцами и разбиты. В жестокой битве «7000 русских пало вместе с воеводами» И.М. Бутурлиным и О.С. Плещеевым [11, с. СХ; 22, с. 18–20].

Так неудачей закончилась и третья силовая попытка России укрепиться в Дагестане, усилить здесь свои позиции. Неудачный поход воеводы И.М. Бутурлина привел Россию к изменению своей тактики борьбы за влияние в Дагестане». После военных походов 1604–1605 гг. царское правительство более 118 лет [20, с. 43; 17, с. 14] «не совершало военных акций в отношении Дагестана, а стало на путь привлечения его владетелей на свою сторону разного рода торгово-экономическими привилегиями» [10, с. 136].

Как отмечал М.-С.К. Умаханов, широко исследовавший проблему борьбы народов Дагестана против иноземных завоевателей в XVII в., политика, проводимая Россией после похода 1604–1605 гг., «нашла большой отклик среди владетелей Дагестана, привела к установлению между ними и Россией тесных торгово-экономических связей. Более того, – подчеркивал он, – политика мирного проникновения, проводившаяся московским правительством в Дагестане, привела к тому, что в XVII веке, когда иранские шахи стали выступать с претензиями на Дагестан, его владетели стали обращаться за помощью и покровительством к Российскому государству, которое, будучи заинтересованным в усилении своих позиций в Дагестане, с одобрением встречало подобные обращения дагестанских владетелей» [10, с. 136].

Но в начале XVIII в., находясь в других условиях и в другом положении, Россия снова обратилась к силовым методам, военным акциям для укрепления в Дагестане. Это было время и других руководителей государств – в России правил Петр Великий, а шамхалом в Дагестане был сторонник России Адиль-Гирей. Ориентировались на Россию и другие феодальные владетели. Конечно, это не нравилось Турции, которая по-прежнему важную роль в борьбе с Россией отводила Кавказу, в том числе Дагестану. Поэтому Турция призывала дагестанских владетелей, в особенности шамхала, следовать ее интересам. В отличие от Турции Персия переживала в нача-

ле XVIII в. глубокий экономический и политический кризис. Это был период упадка и разложения Сефевидского государства. Одной из основных причин этого была чрезмерная и все усиливающаяся эксплуатация крестьянства и трудового населения городов, которую на себе испытали и жители Дербента и Южного Дагестана. «Султаны дербентские, – писал И.-Г. Гербер, – их яко подданными к Персии почестъ хотели и к тому принуждать трудились и для того часто великая команда из Дербента посылалась, чтоб их силою под владение привести» [23, с. 77]. Речь здесь идет об обществах Самурской долины. Что же касается Табасарана и Кубы, то о них И.-Г. Гербер писал, что они повинны были оному (дербентскому. – *Б.А.*) султану послушны быть и по его приказу воинскую службу отправить» [23, с. 86].

Во всем этом Турция усматривала стремление разваливавшегося Сефевидского государства укрепить свои позиции на Кавказе, и в Дагестане в частности. Поэтому она активизировала свою деятельность на Кавказе, направляла к владетелям Дагестана послов с требованием придерживаться протурецкой ориентации.

В таких условиях и Россия не могла стоять в стороне после потери надежды укрепиться на Черном море, подписав с Турцией после русско-турецкой войны в 1711 г. Прутский мирный договор, по которому Турции был возвращен Азов и Россия отказывалась держать военный флот на Азовском море, и «сосредоточила свое внимание на бассейне Каспия, надеясь обратиться к Каспийскому морю всю индоевропейскую торговлю и стать посредницей в торговле между Востоком и Европой. Кроме того, растущие запросы русской мануфактурной промышленности требовали обеспечения такими видами сырья, как шелк-сырец, хлопчатая бумага, нефть, руда и т.д. [19, с. 338], которыми были богаты плоскостной Дагестан и Азербайджан. Немаловажное значение имела для России и оборона южных границ, подвергавшихся постоянным нападениям.

Все это и побудило Россию активизировать свою политику на Кавказе, в том числе в Дагестане, для чего она предприняла ряд мер по изучению региона, обследованию Каспийского побережья, укреплению и образованию новых казачьих станиц на Тереке и т.д. Проведению активной политики в Дагестане благоприятствовали и тесные торгово-экономические связи с Терками, Астраханью и другими русскими городами, что способствовало ориентации феодальных владетелей Дагестана на Россию. В результате был принят в подданство России шамхал Адиль-Гирей, приняты шерти от владетелей Засулакской Кумыкии, кайтагского уцмий [3, с. 193–198]. В это время в разгаре было восстание народов Азербайджана и Южного Дагестана против владычества Ирана. Во главе восстания стояли Хаджи-Дауд из с. Дедали Мюшкурского уезда, к которому примкнули уцмий Кайтага Ахмед-хан и Сурхай-хан из Казикумуха. Турция сделала ставку на Хаджи-Дауда и, несмотря на обращение (требование) России не принимать его в подданство, все же оказала ему покровительство.

В антииранском восстании 1707–1721 гг. было немало приметных событий. Но главное из них – осада и взятие Шемахи в июле 1721 г. После 25-дневной осады повстанцами во главе с Хаджи-Даудом и Сурхай-ханом город был взят, беглербек Хусейн-хан и его военачальники, а также около 800 человек городской знати были убиты. Среди них и русские купцы, которых повстанцы ограбили на около 4 млн рублей, тем самым «причинив России большие материальные убытки и ущемив ее достоинство как великой державы» [24, с. 15, 244].

События июля 1721 г. в Шемахе явились хорошим поводом для России совершить готовившийся поход в Прикаспий и далее. К маю 1722 г. была завершена подготовка к походу. Перед тем как уехать в Астрахань, откуда намечался поход, Петр I встретился с турецким посланником Муштафа-ага. Ему было объявлено, что поход совершается не для ссоры с султаном и не для войны с шахом, а только для «отмщения той обиды» захватившим Шемаху «лезгинским бунтовщикам» и для «получения достойной сатисфакции» [25, л. 41; 1, с. 110]. Накануне выступления из Астрахани

15 июля 1722 г. был обнародован манифест «на татарском, турецком и персидском» языках, в котором наряду с заверением населения о безопасности объявлялось, что поход предпринимается только с целью наказания «возмутителей и бунтовщиков», поднявшихся против шаха и ограбивших в Шемахи русских купцов [24, с. 244]. Однако, как совершенно верно отмечал проф. В.Г. Гаджиев, не это было основной причиной похода. Шемахинские события использовались Петром I лишь в качестве повода для начала военных действий. В действительности же *целью похода было присоединение к России важных для нее в экономическом и политическом отношении прикаспийских провинций Кавказа*» [1, с. 110] (курсив наш. – Б.А.).

Петр I хорошо подготовился к походу, предвидя не только возможные трудности, но и провокации со стороны главарей антииранского восстания, которые «из боязни перед русскими должны были отдаться под покровительство султана» [26, с. 689]. Петр I сам возглавил армию, состоящую из 46 тыс. войск, 47 парусных и 400 галерных судов [27, с. 413].

И Турция желала «к себе присовокупить владения на Кавказе» [25, л. 4, 41]. России необходимо было опередить Турцию. Желание России присоединить прикаспийские провинции хорошо видно из заявления Петра I в ответ на опасения А.П. Волынского по поводу планов Турции и необходимости опередить ее, использовав для похода инцидент в Шемахе. Петр I, в частности, заявлял: «Тогда нам крайняя нужда будет береги по Каспийскому морю овладеть, понеже... турок тут допустить невозможно» [28, л. 75].

О целях России, совершившей поход в 1722 г., сказано и в «Истории народов Северного Кавказа», где отмечается: «Стало быть, основной задачей похода Петра I на Кавказ было предотвратить овладение Османской империей Закавказьем и Прикаспием. К тому же в планах Петра I Прикаспию отводилась важная экономическая роль. Присоединив прикаспийские области, он надеялся обеспечить необходимым сырьем развивающуюся мануфактурную промышленность России. Кроме того, царь желал превратить Россию в посредницу в торговле между Европой и Востоком. С этой целью Петр был намерен перевести торговлю шелком Ирана и Кавказа с константинопольского пути на Астрахань» [27, с. 412].

Конечно, Турция пришла в ярость, узнав о беспрепятственном продвижении русских войск. В Константинополе «следует великое приготовление к войне, – доносил Неклюдов. – Посылают беспрепятственно и амуницию, и артиллерию в Азов и Арзерум. И во всю Азию указы посланы, чтобы войско собиралось», и чтобы «маршировать с тем войском в Дагестанскую землю» [29, л. 139; 30, с. 606; 1, с. 111].

27 июля 1722 г. Петр I с основными силами высадился в Аграханском заливе. К этому же времени в Северный Дагестан выступила конница, шедшая из Астрахани сухим путем. К ним присоединились владельцы Большой Кабарды Эль-Мурза Черкасский и Малой Кабарды Чапалав Асланбек Комметов. Лишь Эндиреевский владелец, причинивший много «вреда окольным городам Терки», а теперь, ожидая «российского мирения» с «частью чеченцев» [31, с. 21–23], пытался оказать сопротивление отряду русской кавалерии Аюка, но был разбит. 1 августа русская кавалерия, а также 10 тыс. донских и малороссийских казаков и 5 тыс. калмыков хана Аюка прибыли в Аграхан, куда также прибыли посланцы эндиреевцев с просьбой «прощения и принося свое подданство, на которое и дали присягу, включив в оное и подданных своих чеченцев» [27, с. 413].

5 августа русские войска морем и сушей направились на юг, оставив в Аграханском ретраншементе 300 человек регулярного войска и 1500 казаков. В тот же день Петр I с армией прибыл на Сулак и расположился лагерем. 6 августа к Петру I явились владельцы Костековский, Аксаевский, а также шамхал Тарковский, которые выразили покорность и изъявили свою преданность России. Они снабжали войска Петра I продовольствием. Шамхал передал Петру I 1600 быков, запряженных в телеги и 150 – на пополнение провианта, 3 персидские лошади и мундштук с золотым набо-

ром; аксаевский владетель подарил 6 лошадей и 100 быков на содержание войска [32, л. 620]. Кроме того, по пути следования русских войск на каждой стоянке по приказу шамхала готовились фураж и другое необходимое снабжение. 12 августа Петр I прибыл «под Тарки». На следующий день он посетил Тарки. Из Дербента было получено три письма с сообщением, что получили манифест и с нетерпением ждут прихода русских войск в город. Шамхал Тарковский Адиль-Гирей при встрече с Петром I предложил ему свое войска, но царь отказался, взяв только отборных всадников, а со своей стороны отправил к шамхалу 12 солдат, которые в качестве почетного караула оставались в Тарках до кончины императора.

Все это вовсе не означало, что приход русских войск в Дагестане был радостно воспринят всеми дагестанцами. Как верно отмечает проф. И.В. Курукин, «встречи и подарки (мы бы добавили – широкое гостеприимство. – *Б.А.*) вовсе не означали признания российской власти всеми горскими владельцами [33, с. 64], о чем свидетельствуют последующие события.

15 августа русские войска двинулись к Дербенту, на пути к которому находилось Утамышское султанство. Оно оказало сопротивление русским войскам. Собрал почти 16-тысячное войско «под начальством Мегди-Бега, Якиш-Бега и Айтемир-Бега, подданных отемишских и усмийских», отемышский султан напал на проходившие по их территории русские войска, но «в урочище Кючук-Инзбар, при речке Инджа» он был разбит [31, с. 25; 16, с. 130]. «Местечко Отемыш» было разграблено и превращено в пепел». Было взято в качестве добычи 7 тыс. быков и до 4 тыс. баранов. А.-К. Бакиханов писал об этом бое и его последствиях так: «Атаман донских казаков Краснощеков со вновь прибывшими 1000 казаками и 4-тысячными калмыками был отправлен во владение Гамры. Ограбив и опустошив эту страну, он возвратился с 350 пленными и 11 тысячью голов рогатого скота» [16, с. 130]. Было убито 600 человек, в том числе один из предводителей Якиш-Бег [31, с. 25–26] и «мусульманский священник», кадий. 500 дворов Утамыша было сожжено. Кроме, – как писал капитан русской армии Питер Генри Брюс, – других деревень, которых по сторонам сожгли 6» [33, с. 66].

23 августа русское войско под предводительством Петра I подошло к Дербенту. Жители Дербента «все стар и млад вышли навстречу из города» [27, с. 414]. «Наиб сего города, – писал Петр I в Сенат, – встретил нас и ключ поднес от ворот. Правда, что сие люди великомерно любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили» [21, с. 677]. Сложившаяся ситуация благоприятствовала России, тогда же был занят Мюшкюрский магал [19, с. 347].

Затем в Дербенте к Петру I обратились кайтагский уцмий Ахмед-хан, табасаранские майсум и кадий Рустем-бек, владетель (крым-шамхал) Бойнака и др. с просьбой принять их в российское подданство. А Адиль-Гирей «за верные свои заслуги грамотой от Петра I признан... шамхалом; и было объявлено, что передано ему полную силу и власть владеть всеми землями и местами, и жилищами владения Солтан-Магмута Утемышского» [34, л. 123–126; 1, с. 113; 24, с. 268].

Причиной добровольного вступления владетелей Дагестана в подданство России стала угроза порабощения Турцией, ее планы по захвату Кавказа, в том числе Дагестана. Это хорошо видно из слов историографа иранского двора, современника событий Мирзы Мехти-хана, писавшего, что «народы тамошние, опасаясь владычества турок, как непримиримых врагов, без разрешения шаха (он считал их находящимися в составе Турции. – *Б.А.*) явились к нему (Петру I. – *Б.А.*) с покорностью» [35, с. 9].

Петр I из Дербента намеревался продолжить поход на юг, этому благоприятствовала и обстановка, и поддержка местного населения. Однако помешали непредвиденные затруднения в продовольствии и снаряжении в связи с крушением у Аграханского залива двух эскадр, а также с ростом заболеваний среди солдат и падежом лошадей. Поэтому 29 августа 1722 г. было принято решение приостановить поход. Это была вынужденная мера, которая не позволила претворить в жизнь все

намеченные планы по распространению влияния и присоединению территорий. Оставив воинские гарнизоны в Дербенте, а также в ретраншементах, построенных на Рубасе, Бойнаке, Тарки, Петр I с основными силами вернулся в Астрахань.

Уход русских войск из Дербента и движение их на север подтолкнули к действиям всех недовольных их приходом в Дагестан и, по словам И.В. Курукина, показали, как быстро может меняться ситуация на Кавказе, где только что горские предводители «все вели смирно» и демонстрировали «приятность» [33, с. 71]. Хаджи-Дауд, уцмий Кайтага, Сурхай-хан Казикумухский и султан Утамышша Махмуд с уходом войск Петра I захватили русский редут на реке Орта-Буган, находящийся в 60 верстах от Дербента, при этом убив караульных, из 128 солдат и 6 казаков спаслись только 3 человека. 19 и 21 сентября горцы штурмовали ретраншемент у реки Рубас. А в октябре Хадж-Дауд даже подходил к Дербенту, хотя и не штурмовал его.

Особенно активно против русских вели себя Ахмед-хан – кайтагский уцмий и утамышский султан Махмуд, воины которых нападали на арьергард ген.-майора Г.С. Кропотова под Буйнаком. Как сообщал посол из Дербента, они набрали 20 тыс. человек и постоянно стали совершать нападения ночью, не давая отдыхать и спать русским. Поэтому Петр I послал «на усмея» калмыков и 1000 казаков, которые, конечно, разоряли и уничтожали кайтагские села, грабили и убивали их жителей [3, с. 194].

Указанные дагестанские владельцы не изъявляли покорности Петру I. Но и те владельцы, которые выражали свою покорность, как шамхал Адиль-Гирей, его старший брат Муртаза-Али и др., стремились использовать русских в своих интересах.

Русские войска жестоко расправлялись с теми, кто противодействовал их пребыванию в Дагестане и при вынужденном отступлении. Так, Адиль-Гирей жаловался на бесчинства на территории шамхальства калмыков и донских казаков, которые захватывали скот, убивали людей, грабили, разоряли и поджигали села. В Буйнаке были разорены 12 человек, 10 человек взяты в плен. У брата шамхала Афия отогнали 200 баранов. Русские войска нападали на большое и богатое кумыкское селение Карабудахкент, где также производились грабежи его жителей. Были убиты 6 человек, 8 человек ранены, 5 человек взяты в плен [24, с. 248–250, 270].

Дагестанцы не забывали бесчинств петровских солдат. Обиженные их своеволием владетели требовали возмещения причиненного вреда. Согласно «Экстракту», составленному в Коллегии иностранных дел из писем с требованиями кумыкских владетелей в мае 1723 г., Султан-Махмуд Аксаевский жаловался «о учиненных ему от калмыков» во время прихода их в его владение, которые отогнали весь скот, а потом «побрали» еще у «аульных его ногайцев 1000 дворов» а «оставшихся ногайцев весь скот взял атаман Иван Хромой с донскими казаками». Очевидно, и шамхал Адиль-Гирей, недовольный действиями русских войск в его владении, обратился о возмещении ему за предоставленные русской армии продовольствия, фуража, арбы, быков и т.д. И Петр I заплатил шамхалу 1308 руб. [33, с. 74].

Действия русских войск, конечно, не прибавляли симпатии к ним, вызывали противодействие и новые выступления против них. Одним из таких выступлений против отступающих русских войск было новое – второе нападение утамышцев 12 сентября 1722 г. «у реки малого Извара» на «оставшихся позади армии людей» [31, с. 32]. В конце октября 1722 г. Петром I снова были посланы русские войска под начальством донского атамана Краснощекоева на «жилища усмия и отемишского султана Магмута; дабы еще отмстить за их упорство» [31, с. 34]. В результате было разорено «что от прежнего поиска (похода. – Б.А.) оставалось, много порублено, 350 человек пленено и 11 тыс. рогатого скота получено в добычу, кроме знатных вещей казакам доставшихся» [31, с. 34].

Согласно же архивным источникам, использованным И.В. Курукиным, Петр I против султана Махмуда послал карательный отряд во главе с Бату, внуком калмыцкого хана Аюка и 1000 каза-

ков под командованием донского атамана И.М. Краснощекова, которые с 26 по 30 сентября громили владения Махмуда утамышского. В результате этого похода султан Махмуд потерял более 500 человек убитыми. В плен было взято 350 человек, захвачено около 7000 голов крупного рогатого скота и 4000 овец. 30 сентября русские войска после таких жестоких действий возвратились на Сулак, где с войском стоял Петр I [33, с. 75]. Вернувшись в Аграхань, Петр I обследовал берега Сулака и Аграхани и нашел, что «сие место зело довольно конским кормом, водою и лесом» [19, с. 348; 27, с. 414]. В том месте, где Койсу делится на два рукава – Сулак и Аграхань, Петр I велел заложить крепость Святого Креста, после чего, поручив командование генералу Матюшкину, отбыл в Астрахань.

Конечно, возвращение русских войск не могло не повлиять на феодальных владетелей, ориентированных на Россию и надеявшихся на улучшение своего политического положения в условиях постоянной угрозы со стороны Турции. Их политическое положение действительно ухудшилось в результате происков султанской Турции и ее вассала Крыма. Турция делала все, чтобы настроить горцев против русских и спровоцировать их на вооруженное восстание. Она даже приказала Хаджи-Дауду, «чтобы он всеми мерами старался выгнать русский гарнизон из Дербента и из прочих тамошних краев» [25, л. 11; 27, с. 414]. По указанию Турции Хаджи-Дауд предпринял нападение на Табасаран и, как доносил Петру I кадий Рустем, «причинил мне и моему народу бедствие, разорил мою столицу Хучни» [36, л. 2; 1, с. 114]. Весной 1723 г. турецкие войска вторглись на Кавказ и постепенно стали продвигаться к пределам Дагестана.

В такой обстановке Персия, обеспокоенная вторжением турецких войска на Кавказ, предложила России подписать договор. Подписание состоялось в сентябре 1723 г. По условиям этого договора, известного под названием Петербургского, шах уступал России в вечные владения прикаспийские провинции Кавказа. Во втором пункте договора говорилось, что «его шахово величество уступает его императорскому величеству всероссийскому в вечное владение города Дербент, Баку со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами також де и провинции Гилянъ, Мазондранъ и Айробат; и имеют оные от сего времени в стороне его императорского величества всероссийского остается и в его подданстве быть» [24, с. 286]. В свою очередь Россия обязалась оказывать военную помощь Ирану. В статье пятой договора было сказано: «И обещает его императорское величество, что он всегда будет приятелем тем, кто шаху и Персидскому государству приятель, и неприятелем тем, которые шаху и Персидскому государству неприятели, и противу них иметь чинить вспоможение, что разумеется около всего Персидского государства, от кого б то неприятельство показано быть имело» [24, с. 287].

Турция выразила свое недовольство и обеспокоенность подписанием Петербургского договора, и русско-турецкие отношения еще больше обострились. Султан объявил о принадлежности Турции всего Ирана и добровольном воссоединении Дербентского ханства как «издавна ей принадлежащего». Казалось, война была неизбежна, однако ее удалось избежать благодаря Константинопольскому договору, заключенному между Россией и Турцией в июле 1724 г. По условиям этого договора за Россией закреплялись прикаспийские провинции Дагестана и Азербайджана. Остальные территории Дагестана и Азербайджана, а также Грузия и Армения отходили к Турции. Всего за Россией закреплялась прибрежная полоса шириной 119 верст у Дербента и 43 версты Шемахи [19, с. 349–350].

Получив эти земли, Россия принялась укреплять их и с этой целью заложила ряд крепостей и ретраншементов. К 1724 г. в основном было завершено строительство крепости Святого Креста, куда был переведен гарнизон с жителями города Терки. Сюда было поселено 1000 семейств донских казаков. А вблизи крепости поселились выходцы из народов Северо-Восточного Кавказа, проживавшие в Терки до его разорения, которые образовали на новом месте «Терскую сло-

боду», сюда же откочевала и часть ногайцев и переселились многие армяне, занимавшиеся торговлей.

Крепость Святого Креста была построена на территории шамхала, всего 40 км от Терков. И, естественно, он воспринял ее строительство «недружественно». К тому же его против России подстрекали турки. Поэтому шамхал решил напасть на крепость, что и было сделано им в марте 1725 г. Он тщетно пытался взять ее, хотя и собрал до 30 тыс. дагестанцев со своего и других владений, а также обществ, которые после неудачи разошлись по домам.

Для наказания шамхала осенью 1725 г. был направлен корпус под командованием ген. Кропотова, который разорил не только владение шамхала, но и ряд таких крупных сел, как Эрпели, Карабудахкент, Бойнак, Мюрего. Русские войска дошли до горных обществ, которые принимали участие с Адиль-Гирей-шамхалом в походе на крепость Святого Креста, о чем сохранились ряд записей. Бежавший в горы шамхал в сентябре 1725 г. явился в русский лагерь, надеясь на прощение, однако был сослан в Архангельскую губернию, где и умер.

Россия заботилась не только об укреплении попавших под ее владение территорий, но и об их развитии. Большое внимание было уделено развитию виноградарства в Дагестане, а также садоводства и огородничества, красильных растений, в частности шафрана и марены.

Еще до похода Петра I в Прикаспий большое внимание уделялось изучению природных ресурсов, истории, этнографии народов Северо-Восточного Кавказа, в том числе Дагестана. Известны составленные в те годы и изданные в годы советской власти «Описания» А.И. Лопухина, И.-Г. Гербера, Л.Ф. Еропкина и др. [37].

Были приняты меры по дальнейшему развитию торговли Дагестана, сильным толчком для чего послужил указ Петра I от 1724 г., «по которому были разрешены вывоз из России в Дагестан железа, свинца, пороха, а также беспошлинный провоз и свободная торговля вина, табака, «всяких хлебных и мясных припасов» и скота в Дербенте, крепости Святого Креста и в других местах «новой провинции» [38, л. 58; 27, с. 417–418]. Местным торговым людям предоставлялись льготы при торговле с Россией. К их услугам были и русские купеческие суда» [19, с. 353].

Все это, безусловно, сильно влияло на политику феодальных владетелей и ориентацию дагестанских народов на Россию. В связи со сказанным уместно привести донесение императрице Екатерине I главнокомандующего войсками и управляющего «приобретенными провинциями» кн. В.В. Долгорукова. Объездив сухим путем подвластные России территории, он писал: «Во всех провинциях... с великою радостью меня встречали... не токмо, которые в нашу порцию достались, но которых по трактату и не в нашей порции, – все желают быть в подданстве в.и.в. и просят меня, чтобы я их принимал в протекцию Российской империи. И так весь здешний народ желает в.и.в. протекции, с великою охотою видя, какая от нее справедливость, что излишнего мы с них ничего не требуем и смотрим крепко, чтобы отнюдь ни мало им обиды от нас не было и крепкими узами во все команды от меня подтверждено под жестоким штрафом» [26, с. 955; 27, с. 416].

Конечно, В.В. Долгоруков в своем донесении императрице преувеличивал, говоря о желании всех народов принять подданство России. Но, тем не менее, о настроениях народов Дагестана можно судить по обращениям владетелей его о вступлении в российское подданство. По сообщению полковника русской армии Я.А. Марковича, находившегося в Дагестане с мая 1725 по 1727 г., в 20-е гг. XVIII в. подданство России приняли шамхал Тарковский, уцмий Кайтага вместе с Кубачи, владетели Бойнака, Губдени, Карабудахкента, Доргели, утамышский султан, майсум Табасарана [39, с. 301]. В подданство России вступило также Акуша-Дарго [23]. В 1826 г. подданство России принял кубинский хан Хусейн-Али-хан. В 1727 г. присягу на подданство России в крепости Святого Креста дал аварский хан, тогда же на верность России присягали кюринские старши-

ны, однако в подданство они не были приняты, так как Кюра находилась под властью Сурхай-хана Казикумухского [23, с. 105]. В сентябре 1731 г., как писал П.Г. Бутков, «андийцы, весь народ, добровольно пришли в подданство российское и в том присягнули в крепости Святого Креста» [31, с. 84].

Все это было большим политическим и дипломатическим достижением России, достигнутым ею в результате похода Петра I в Прикаспий в 1722 г.

Но народам Дагестана, как и Азербайджана, недолго суждено было находиться в составе России. После фактического прихода к власти в 1732 г. Надир-шаха, его удачных военных операций против Турции обстановка на Кавказе в целом и в Дагестане в частности меняется. Надир-шах требовал возвращения принадлежащих ранее Персии территорий, и это было его условием, когда российское правительство решило заручиться поддержкой Ирана, чтобы с его помощью изгнать Турцию с Кавказа. Начавшиеся еще в 1730 г. переговоры завершились в 1732 г. заключением Рештского договора, по условиям которого Россия в течение пяти месяцев возвращала Ирану земли по берегу Каспийского моря до устьев р. Куры. Земли же, лежащие севернее, Россия обязалась возвратить шаху после возвращения Ираном земель Закавказья, захваченных Турцией.

Однако после заключения Рештского договора Иран, хотя еще не выполнил его условий, стал добиваться от России уступки Баку и Дербента. В марте 1735 г. под Гянджой был подписан мирный договор, согласно которому Россия обязывалась вывести войска и передать Ирану Баку с уездом в две недели, а город Дербент с его уездом и прилегающими к нему местами – в два месяца [40, с. 202–207]. Русский гарнизон, находящийся в кр. Святого Креста, переводился на левый берег Терека, а сама крепость была срыта, все проживавшие там люди переведены во вновь укрепленную крепость Кизляр. Таким образом, после тридцатилетнего владения прикаспийскими областями Россия уступила их Ирану. Это была вынужденная мера. Заключая Гянджинский договор, Персия обязалась «вечно с Российской империей пребывать в союзной дружбе», что было очень важно в условиях противостояния с Турцией, ведущей активную политику на Кавказе и постоянно угрожающей его народам потерей их независимости.

После похода Петра I в Прикаспий Россия целых полвека не прибегала к военным акциям в Дагестане. Да и повода для этого у нее не было, как в конце XVI – нач. XVII в. и в начале XVIII в., хотя цели проведения такой политики оставались, из-за чего продолжалось и противостояние с сильнейшими восточными государствами, которое доходило порой до предела, приводя к войне между ними. Но Россия в 70-е гг. XVIII в., победив в войне 1768–1774 гг. и заключив Кючук-Кайнарджийский мирный договор с Турцией, взяла реванш над ней в политике за влияние на Кавказе, и с этого времени она перешла к активизации этой политики. Это уже новый период в истории проведения политики на Кавказе, и в Дагестане в частности, когда Россия все больше и больше усиливала свое присутствие и влияние в регионе, приведшее в конечном итоге к присоединению народов Кавказа к Российской империи.

Подводя итоги сказанному выше, можно отметить, что Россия позже активизировала свою политику на Кавказе и в Дагестане, чем это сделали Персия и Турция. Лишь в конце XVI в. она совершила в Дагестан первый поход своих войск, продолжив такую политику силовых методов усиления своего влияния и в начале XVII в. Однако неудачно закончившиеся походы русских войск побудили Россию изменить политику силовых методов, и она после поражения стрельцов в 1605 г. 118 лет, т.е. вплоть до начала XVIII в., не посылала в Дагестан свои войска.

В начале XVIII в. в Северо-Восточном Кавказе происходят события, послужившие поводом для вмешательства России в дела Персии и совершения похода, известного в исторической литературе как Каспийский поход Петра I 1722 г. Результаты похода были значимы как для России, так и для Дагестана. И хотя поход пришлось приостановить из-за сложившихся неблаго-

приятных условий, Россия в конечном итоге добилась ряда успехов. Под влияние России попала приморская территория, что благоприятно сказалось на развитии ее экономики, расширении торгово-экономических связей с Россией и другими странами. Но пребывание России здесь было кратковременным – в 1735 г. в силу сложившихся условий она вынуждена была уйти из Дагестана. И лишь в 70-е гг. XVIII в. с победой России над Турцией и завершением русско-турецкой войны 1768–1774 г. заключением Кючук-Кайнарджийского мира Россия вновь начала проводить активную силовую политику по присоединению Кавказа, в том числе Дагестана, к Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. 392 с.
2. *Ногнов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1947. 157 с.
3. *Муртазаев А.О.* Противостояние уцмья Ахмед-хана политике Петра I в Дагестане в период Каспийского похода // Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха : материалы Международной научной конференции, проведенной в рамках «Года Российской истории». Махачкала, 2012. С. 192–198.
4. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М., 1948. 442 с.
5. История Кабарды. М., 1997. 395 с.
6. *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях в XVI–XVII вв. Нальчик, 1948. 119 с.
7. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. 294 с.
8. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. III. Ч. 1. 590 с.
9. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1892. Т. X. Кн. III. 173 с.
10. *Умаханов М.-С.К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. 252 с.
11. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом : материалы, извлеч. из Моск. глав. архива М-ва иностр. дел. М., 1889. Вып. I (1518–1613). 584 с.
12. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. 372 с.
13. *Кушева Е.Н.* Русско-дагестанские отношения в XVI–XVII веках // Материалы научной сессии по истории народов Дагестана. Махачкала, 1954. 26 с.
14. *Веселовский Н.И.* Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т. I. 453 с.
15. *Алкадари Г.-Э.* Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1994. 175 с.
16. *Бакыханов А.-К.* Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. 304 с.
17. *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1887. Т. 1. 700 с.; Т. 2. 174 с.
18. *Веселовский Н.И.* Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892. Т. II. 445 с.
19. История Дагестана. М., 1967. Т. 1. 432 с.
20. *Карамзин И.М.* История государства Российского. СПб., 1892. Т. XI. 190 с.
21. *Потто В.* Кавказ до Петра. СПб., 1896. 26 с.
22. *Лавров Л.И.* Тарки до XVIII в. // Учен. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1958. Т. IV. С. 12–25.
23. *Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX в. М., 1958. С. 60–120.
24. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: док. и материалы / сост. *Р.Г. Маршайев.* Махачкала, 1958. 336 с.
25. Архив внешней политики России (далее – АВПР). Ф. Сношения России с Турцией. 1722 г. Д. 4.

26. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. IV. Т. XVI–XX. 1656 с.
27. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.
28. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 90. Оп. 1. Д. 30.
29. АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1722 г. Д. 6. Ч. 1.
30. Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954. 814с.
31. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 1. 548 с.
32. РГАДА. Ф. Сношения России с Персией. 1723 г. Д. 17.
33. *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. 380 с.
34. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1722. Д. 17.
35. *Ихилев М.М.* Значение персидского похода Петра I для Дагестана // Материалы научной сессии по истории народов Дагестана. Махачкала, 1954. 19 с.
36. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1727 г. Д. 23.
37. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX в. М., 1958. 371 с.
38. АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1723 г. Д. 6.
39. *Иноземцева Е.И., Чекулаев, Муртазаев А.О.* Дербентский комендант: основная характеристика архивного фонда // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12–1. С. 300–302.
40. Полное собрание законов Российской империи. Т. IX. № 6707. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. 294 с.

Поступила в редакцию 24.06.2020 г.

Принята к печати 30.09.2020 г.